

Журнал "Смена"

№ 22, 1957

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ж92

Ж92 Журнал "Смена": № 22, 1957 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-458-56175-4

Журнал "Смена" - иллюстрированный гуманитарный журнал, с литературной направленностью. Был основан в 1924 году и был самым массовым журналом для молодежи в Советском Союзе. В начале 1990-х общий тираж журнала составил три миллиона экземпляров. "Смена" был основан решением ЦК РКСМ как журнал рабочей молодежи. Особенно-стью "Смены" всегда была литературная составляющая, часто премьерная публикация произведений была в этом журнале. Так, в первый же год издания был опубликован отрывок из повести Серафимовича "Железный поток". В разные годы в журнале печатались К. Паустовский, Лев Кассиль, Валентин Катаев, Исаак Бабель, Алексей Толстой. После войны журнал вышел за рамки молодежной аудитории и стал популярен еще больше. В журнале "Смена" состоялась литературная премьера Станислава Лемма - впервые на русском языке был опубликован его рассказ "Проверка лояльности". В семидесятые журнал "Смена" стал журналом в котором впервые был напечатан Кир Булычев.

ISBN 978-5-458-56175-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Москва, 7 ноября 1957 года.
1. Праздничная колонна трудящихся проходит по улице Горького.
2. Группа демонстрантов на Красной площади.
3. Идет спортивная молодежь столицы.
4. Зарубежные гости приветствуют демонстрантов на одной из московских улиц.

Фото А. Гостева,
Г. Дубинского и
А. Устинова.

Б Е Л Ы Е А С Т Р Ы

Рассказ

Мы вместе живем в студенческом общежитии: я, Рита, Зоська и Валентина. Живем в одной комнате, учимся на одном курсе... За четыре года мы очень свыклись, сдружились. Каждая знает все о своих подругах. Письма из дома мы читаем вслух, посылки открываем, когда все в сборе, и лакомимся домашней снедью поровну. Мы вместе готовимся к семинарам и экзаменам, читаем — по кругу — одни книги, всей комнатой бегаем в кино. А когда получаем стипендию, обязательно отправляемся в кафе и заказываем на четверых торт из мороженого.

Вечерами к нам приходят ребята-однокурсники. Приходят, чтобы попросить конспекты лекций или чаю на заварку. И не уйдут, не поговорив с Зоськой... о поэзии. Это чтобы подразнить ее. Разговора такого Зоська, как огня, боится. Еще на первом курсе оставила она случайно в аудитории заветную свою тетрадь — толстую, в клеенчатом переплете. Даже мы не знали прежде о существовании этой тетради, не догадывались, что Зоська пишет стихи.

Ленька Попков, которому попала в руки эта тетрадь, не только прочел ее всю, от одной клеенчатой корки до другой, а даже выписал себе целые страницы, выучил стихи наизусть и распевал на мотивы популярных песен. Конечно, он рассказал о тетради всем ребятам. Да если бы только рассказал... Он устроил у себя в комнате коллективную читку и потом что-то вроде читательской конференции. А в комнате у Леньки восемь человек. Да еще из соседних ребята пришли.

Зоська, как узнала обо всем этом, убежала из дома и три ночи у своей двоюродной тетушки ночевала. На ее месте убежал бы любой. Стихи-то ведь были особенные: любовные, написанные «только для себя». И больше половины их было посвящено... самому Леньке Попкову.

...Ровно в двенадцать мы выставляем ребят за дверь. Валентина выключает радио и гасит свет. Ее кровать дальше других от штепселя и репродуктора, но выключает радио и свет непременно она. Потому что никто из нас троих этого не сделает. В двенадцать не хочется еще спать, а по радио передают ночью такие интересные концерты...

Очутившись в постелях, мы обязательно сначала помолчим, а потом кто-нибудь не выдержит и заведет разговор. В темноте мы больше всего говорим... о любви. Рита начинает расхваливать преподавателя политэкономии Степана Антоныча, от которого она без ума и которого я, Зоська и Валентина ненавидим за строгость. Валентина своим спокойным, грудным голосом тоже скажет что-нибудь очень хорошее о своем Борисе. И еще доба-

вит, что любовь — это самое что ни на есть дорогое, прекрасное чувство. Именно оно делает человека счастливым.

Валентина говорит о любви тепло-тепло, и мы знаем, что при этом она хорошо, светло улыбается.

Каждый раз ее возмущенно перебивает своим резким, пронзительным голосом Зоська. Зоська теперь никого не любит, а Леньку Попкова «презирает за подлость». Волнуясь и раздражаясь, она кричит, что мальчишки все дряни, хвастуны и обманщики, что не под силу им такое большое чувство, как любовь. Что любить их нельзя, любить их не за что и что она никогда в жизни никого, кроме мамы и нас троих, не полюбит.

Наконец распалившаяся Зоська гневно умоляет, и я чувствую, что тоже очень хочу сказать о своем... Но подруги ко мне почему-то относятся несерьезно. Я знаю об этом и всякий раз робею перед тем, как решусь сказать им о самом сокровенном. Бывает, и совсем промолчу. В таком случае они сами спросят:

— Ну, а тебе, Тоська?.. Кто опять понаравился?

Волей-неволей приходится отвечать.

Я открываю душу. Говорю честно, что понравился теперь комсорг с исторического факультета, что, конечно, он красивее и умнее Жени Мохова и, если пригласит меня когда-нибудь в кино или театр, непременно пойду.

Мне, конечно, никогда не дают договорить все до конца. Зоська срывается с постели, перебегает ко мне и над самым ухом начинает закидывать:

— Господи! Девочки! Ну, посмотрите на эту дуру!..

В комнате темно, и увидеть меня, конечно, невозможно.

— Что ты, Тоська, за человек? — не унимается Зоська и протягивает руки к самому моему носу. — Как ты можешь семь раз на неделю влюбляться?!

Я отворачиваю лицо, потому что Зоська, если она взволнована, очень сильно жестикулирует.

Она опять наступает, опять кричит, что я дура и что из-за таких, как я, наши институтские мальчишки слишком много о себе думают.

Я лежу у самой стенки, помалкиваю и с нетерпением жду, когда наконец Зоська устанет кричать и оставит меня в покое. Но Зоська самая говорливая и крикливая из нас. Если ее не остановить, может, наверное, до утра ругать меня, стыдить и размахивать руками перед моим носом.

— Зоська! — говорит Валентина. — Иди к себе. Не мешай спать.

Она говорит это и спокойно и властно. Так что послушаться нельзя. Зоська поднимается наконец с моей кровати и, шлепая босыми ногами, бредет к себе, в дальний угол комнаты.

Больше уже никто не произносит ни слова. Я даже стараюсь не дышать, притворяясь, будто сплю. А то Зоська опять может приваляться.

После такого разговора мне всегда становится грустно. Во мне поднимается обида на девчат, и я даю себе слово не рассказывать больше им о своих сердечных делах.

А утром Зоська сама первая заводит со мной разговор, сама наливает мне чай, называет булку маслом и разрешает, если я действительно пойду когда-нибудь с комсоргом в театр, надеть ее модный спортивный костюм с тремя замками-«молниями» на курточке.

Я пытаюсь отвечать как можно сдержаннее и замечаю, между прочим, что в спортивных куртках, на сколько бы замков они ни застегивались, в театр идти неприлично. Налитый Зоськой чай пью нехотя и оставляю недопитым... Но когда Зоська за пять минут до начала лекции начинает рыться в тумбочке и не находит там своих тетрадей, мне становится ее жаль. Я бросаюсь по очереди ко всем другим тумбочкам, переворачиваю в них все вверх дном и обязательно нахожу Зоськины вещи. На то, чтобы отчитать ее за неаккуратность, уже не остается времени. Мы бежим через двор в учебный корпус и с улицы слышим залихватистый нетерпеливый звонок.

Рита и Валентина давно в аудитории. Они уходят вдвоем, не дожидаясь нас, и всякий

Рисунки П. Пинкисевича.

раз, когда мы опаздываем, возмущенно шепчутся и бросают на нас уничтожающие взгляды.

Так мы и живем. Вернее, так мы жили прежде, до нынешней осени. В сентябре, в первые дни занятий, у нас произошло вот что.

Утром, когда мы с Зоськой еще пили чай, а Валентина и Рита уже собирались идти в институт, в дверь громко и настойчиво постучали. Рита открыла, вышла в коридор и тут же весело крикнула:

— Валентина, пляши! Телеграмма...

Валентина вышла в коридор и вернулась сияющая. Положила на ближайшую к двери кровать книги, спокойно раскрыла телеграмму и внезапно перевернулась в лице. Потом испуганно взглянула на нас и, как была, без книг, без шапки, выбежала на улицу.

Мы растерялись. А когда выбежали следом, Валентины во дворе уже не было. На лекциях в этот день ее не было тоже.

Валентина вернулась домой розно в двенадцать и, не взглянув на нас, сразу же выключила радио и погасила свет. Пальто сняла в темноте, на ощупь прошла к своей кровати, разделась и, не проронив ни слова, легла. Мы тоже промолчали и уснули на этот раз, так и не поговорив о любви.

Утром Рита напрямик спросила Валентину:

— Что в телеграмме?

Валентина долго молчала, и мне представилось в это время самые ужасные картины. Тяжело заболела мама... Попал под трамвай ее младший шустрый братишка... Умер Борис!.. При этой мысли я ощутила вдруг такой холод, что схватила со спинки стула Зоськин шерстяной платок и закутала в него плечи.

Валентина молчала, а Рита с мольбой в голосе упрашивала ее:

— Скажи, не скрывай от нас... Может, помочь сумеем.

— От кого... телеграмма? — встала осторожно Зоська.

Валентина вздрогнула и опустила глаза.

— От Бориса...

Мне стало еще холоднее.

— Ну? — чуть слышно проговорила Рита.

Валентина с трудом подняла голову и так же, с трудом, улыбнулась.

— Что «ну»?.. Пишет: приеду скоро.

Валентина прятала от нас глаза, и мы чувствовали, что она нас стесняется, боится расспросов. Даже любопытная Зоська, и та смолчала. Я видела, каких усилий ей это стоило.

Образовалась неловкая пауза, и, чтоб хоть как-то разрядить обстановку, Рита громко и чересчур заинтересованно спросила Валентину:

— У нас по политэкономии лекция сегодня или семинар?

Мы все четверо прекрасно знали, что семинар. Рита сама накануне весь вечер в читальном зале готовилась.

— Ой, правда, ведь семинар! — как бы спохватилась Валентина. — А я чуть конспекты не оставила...

Тетрадь с конспектами по политэкономии лежала у нее под руками, и, конечно, она не забыла бы взять ее.

Дипломатический ход удался: к разговору о телеграмме мы больше не вернулись. Валентина посмотрела на нас благодарным взглядом. Поправила перед зеркалом волосы, накинула плащ и, как прежде, дождавшись Риту, ушла на лекции.

Только закрылась за ними дверь, Зоська всплеснула руками.

— Ты подумай, приезжает! А на Валентине лица нет. Будто не радость, а несчастье свалилось на ее плечи. Странная...

Действительно, Валентина вдруг стала совсем другой, странной. Прежде она все-все рассказывала нам о себе и о своем Борисе. Рассказывала теплым, спокойным голосом. Читала нам письма Бориса и даже свои письма к нему.

Мы знали, что встретила с ним Валентина два года назад в Горьком, когда проходила там практику. Борис был там по делам службы. Они жили в одной гостинице. Часто виделись. Познакомились и стали вместе проводить теплые летние вечера. Катались в воскресенье по Волге, уезжали купаться на Моховые горы.

Валентина рассказывала в письмах о хорошем товарище, интересном человеке — Борисе Петровиче Черных. Она расхваливала его прекрасную профессию архитектора, восхищалась умением Бориса держаться с людьми, его порядочностью, неподдельным вниманием к ней. Она заметила в нем прекрасное качество — большую человеческую щедрость.

Потом вдруг Валентина перестала упоминать в письмах имя своего нозого знакомого, и мы поняли, что она влюбилась. Стала отпирать нам коротенькие записочки с восторженными фразами о хорошей погоде, прекрасной Волге, интересной практике. Обычно сдержанная и далекая от сентиментальностей, она называла нас ласковыми именами, пересылала коротенькие письма множеством восклицательных знаков, а в конце обязательно писала «целую» и еще какие-нибудь нежности.

Вернулась Валентина из Горького светлая, восторженная, счастливая. Всех нас расцеловала, всем преподнесла подарки. Такой мы ее никогда прежде не видели. Я подумала даже, что от дружбы с Борисом и в ней, Валентине, прибавилось душевной щедрости.

Рита заглянула пристально в искрящиеся Валентиныны глаза и добродушно покачала головой:

— Девочки! Да ведь с ней что-то случилось...

— Слу-чи-лось! — весело согласилась Валентина. — Ой, что случилось!..

И она рассказала нам тогда о своей любви, о Борисе.

Такое случилось с Валентиной впервые. Гордая и самолюбивая, она слишком холодно относилась ко всяким ухаживаниям со стороны наших институтских ребят. Была доброй и внимательной к тем, кто в ней видел товарища, и круто менялась, доходила до грубости в отношении к тем, которые пытались перешагнуть святую черту товарищества.

Я очень не любила в Валентине это качество. Обвиняла ее в черствости и бессердечии, доказывала, что поступает она эгоистично. Я и до сих пор считаю, что нельзя не щадить хороших человеческих чувств, надо обходиться с ними осторожно и бережно. Конечно, девочки над этими моими убеждениями только смеются. На тебя, говорят, случайно кто-нибудь взглянет, а ты потом ночь не спишь. О любви фантазируешь...

И еще не нравилось мне, что Валентина как-то уж слишком дорожит своим не появившимся еще чувством. Слово кто-то один во всем мире достоин ее внимания. И этот единственный человек должен быть особенным: умным, талантливым, красивым, мужественным... По крайней мере не таким, как ребята с нашего курса. Я считала, что такого человека ей и не встретить, и в душе очень жалела подругу. Плохо ведь, если человек проживет всю жизнь не любя. А Валентина и так старше нас всех. Ей уже двадцать пять лет.

...Мы с Зоськой подивились на странное поведение Валентины. Решили, что она растерялась от счастья. Наверное, бывает так в жизни: ждет человек своего счастья, мечтает о нем, зовет его, видит, какое оно должно быть. А придет к нему это счастье, и окажется вдруг, что оно больше и лучше, чем виделось издали, что человек не готов принять его. Не вместится оно, такое, в его сердце. Как перед таким счастьем не растеряться, как не испугаться его!

Мне кажется, есть даже люди, которые от большого счастья откажутся. Откажутся и возьмут себе маленькое, удобное, на которое другой не позарится, которое не надо беречь, за которое не надо драться, которое просто-напросто дешевле стоит. Это я не о Валентине говорю. Это я так, к слову.

А ей... Ей большое счастье, как и большое чувство, по плечу.

...На лекцию мы с Зоськой в этот раз опять опоздали.

— Когда же он наконец приезжает? — терпеливо мы Валентину, и она всякий раз неопределенно отвечала:

— Скоро, в этом месяце.

Зоська беспокоилась больше других. Выпросила у технички два чухлых цветка и поставила их на подоконник. Купила репродукцию «Неутешного горя» Крамского, вставила в рамку и повесила над кроватью Валентины.

Я как глянула на эту репродукцию, так и обмерла. Стоит убитая горем женщина в черном платье и грустными-грустными глазами смотрит на нас с Зоськой.

— Ты с ума сошла! — только и могла проговорить я. — Выбрала тоже...

— Не выбрала, — тихо сказала Зоська. — Там только одна эта картина и была.

...Зоська еще раз спросила: «Когда?», — и Валентина ответила наконец: «Завтра!»

Назавтра мы все готовы были встретить Бориса. Поезд из Ленинграда приходил в шесть вечера, а в четыре Зоська уже вертелась у зеркала, примеряя то мой берет, то Ритину шляпку, то свою клетчатую косынку. Она все не могла решить, что ей лучше к лицу, нервничала, меняла прическу. Рита не выдержала и зло заметила:

— А ведь ты, Зоська, между прочим, совсем не признаешь мужчин. И понравиться никому не хочешь.

Зоська покраснела, швырнула на стол Ритину шляпку.

Меня возмутили Ритины придирки.

— Человек всегда должен стремиться к красивому. Во всем. Даже в прическе! — вызывающе сказала за ей. — Великий русский писатель Чехов...

— Помолчи! — отмахнулась от меня Рита. — Без тебя знаю!

Я все-таки сказала, что о красоте говорил Чехов. И еще добавила, что Борис, конечно, приятнее найти Валентинных подружек привлекательными. Я надела свое самое красивое платье и приколола к нему букетик искусственных фиалок.

Рита тоже хоть и ворчала, но надела новый коверковый костюм, а под жакет — исключительно для красоты — голубой газовый шарфик.

Мы были готовы. А Валентина еще не пришла из института.

Наконец она появилась. Недоумевающе оглядела нас, пожала плечами.

— Что это?..

А когда поняла, нахмурилась.

— Не надо, девочки. Не ходите со мной.

Мы ее уговаривали, упрашивали, обещали, что будем держаться в стороне, даже к вагону не подойдем. Валентина стояла на своем.

— Я одна. Иначе он будет чувствовать себя неловко.

И мы остались. Рита сняла с себя голубой шарфик и грустно сказала:

— Пожалуй, Валентина права... Получилось бы, что смотрим устроили.

И мы в этот раз не обиделись на подружку. Мы хорошо знали: Валентина — умница, чуткий, тактичный человек. Она делает как лучше.

Зоська взяла из нашей общей кассы денег и убежала в кафе покупать в честь приезда Бориса торт-мороженое. Рита принялась наводить порядок на тумбочках, а я пошла к уборщице тете Кате просить на вечер ее новый чайный сервиз, который три дня назад мы купили ей в складчину на день рождения.

...Комната наша давно уже сияла чистотой, стол был накрыт, посредине его стояла коробка с тортом. Мы сидели, смотрели на часы, на дверь, на торт, друг на друга. Мы ждали и не могли дожидаться.

Часы показали восемь, потом девять. Зоська сбежала за ворота и вернулась скучная.

— Не идут! А торт уже потек...

Мы решили, что опоздал поезд.

В десять Рита вывалила из коробки бесформенную массу в глубокую тарелку, и стол сразу утратил свою праздничность.

Валентина пришла в одиннадцать. Пришла одна, с огромным букетом цветов в руках. Села у стола усталая и, мне показалось, виноватая. Тихо улыбнулась, обняла нас с Зоськой за плечи.

— Хорошие вы мои...

Сказала она это с грустью, и я поняла так: Валентина печалится о том, что неизбежно расставание с нами. Не может же она, выйдя замуж, оставаться в общепитии!

Понемногу мы привыкли к мысли, что Борис в общепитии не зайдет. Решили, что Валентина стесняется показать ему нашу тесноватую комнату, старые кровати, покрытые жесткими «солдатскими» одеялами. А может быть, стесняется и нас показать. Мы с Зоськой, пожалуй, произвели бы невыгодное впечатление. Недаром Рита говорит про нас, что в общепитии себя держать не умеем.

За собой я, правда, не замечала такого, а вот Зоська действительно не умеет: всегда много и громко говорит, кричит даже. Руками перед носом собеседника размахивает, а сгоряча может даже каким-нибудь грубым словом обозвать.

Мы уж сколько раз на эту тему в комнате серьезный разговор поднимали. Только на нее не действуем.

Ну, а меня Валентина, наверное, решила убедить от нового увлечения. Такой человек, как Борис, мне, пожалуй, с первого взгляда мог бы понравиться... Только уж на этот раз я ни за что не выдала бы себя. Даже если бы очень влюбилась.

И каких бы страданий ни стоило, подавила бы в себе эту любовь.

Так или иначе, получилось, что Валентина нам, лучшим своим друзьям, вроде не доверяла. Но для нас было главное — счастье подружки. И перед этим терпели свое значение всякие там обиды и наши мелкие переживания.

• • •

С приездом Бориса Валентина заметно отошла от нас. Она часто уходила из общепития сразу после лекций, а возвращалась поздним вечером. Обязательно улыбающаяся и немного задумчивая. Обязательно с букетом цветов.

Если мы спрашивали, где была, отвечала нехотя и коротко: «В кино...», «В парке...»

С кем, мы не спрашивали. Было ясно, что с ним, с Борисом. И кто подарил цветы, тоже не спрашивали...

Зоська обычно брала эти цветы из рук Валентины, подравнивала стебли, наливала в стеклянную консерванную банку воды и ставила свежий букет на тумбочку перед кроватью нашей счастливой подружки. Те цветы, что были принесены накануне, переставляла с Валентиной тумбочки к кому-нибудь из нас. Таким образом, на пятый день после приезда Бориса появились цветы и около моей кровати. Правда, они уже начинали увядать. Но даже на такие было приятно смотреть. Приятно... и немного грустно. Мне ведь еще никто никогда не дарил цветов. А цветы — это очень красиво.

Серые суконные одеяла уже не так безобразили нашу комнату. Каждый, кто входил, прежде всего замечал цветы.

Чтобы выглядели они еще наряднее, Зоська купила в универсаме красивую фарфоровую вазу. Купила, не спросив нас, хотя деньги взяла из общей кассы. Объяснила потом свой поступок довольно просто:

— Скажи вам, так не позволили бы. Рита скупая. Валентине неловко соглашаться. А с Тоськой все равно никто не считается...

Рита недовольно закусила губу, но ругать Зоську не стала. Я рассмотрела вазу и осталась довольна ею. Валентины дома не было. Мы, конечно, определили эту вазу под цветы на ее тумбочку. И договорились: если Валентина будет уезжать из общепития, подарить ей вазу на память.

В воскресенье я увидела на тумбочке у Валентины дорогие духи. У меня таких, конечно, никогда не было. Да и не только у меня... Обычно мы покупали в день получки — стипендии — на всех четверых один маленький флакончик. Да и душились-то только Валентина и Рита. Мы с Зоськой забывали.

Я поняла: дорогие духи на тумбочке у Валентины — подарок Бориса.

...Сколько себя помню, я всегда презирала подарки и подношения. Мне казалось, делают их, чтобы подкупить, задобрить человека, расположить его к себе. В моем представлении подарки походили на взятку. И только к маминим подаркам я относилась свято. Радовалась им, принимала с огромной благодарностью, ждала их. Потому что считала: только мама может быть бескорыстной. Впрочем, кроме мамы, мне в детстве никто ничего и не дарил. Может быть, потому что, кроме мамы, у меня никого и не было...

И еще: не люблю людей, которые дешевую вещь, подаренную из приличия в день рождения, ценят дороже сердечного поздравления и неподдельно искренних пожеланий.

Помню, еще в детстве я на этой же почве поссорилась со своей лучшей подружкой, Иринкой. Весь февраль мы тайком копили деньги, чтобы купить к Восьмому марта подарки мамам. Экономили на завтраках в школе, не ходили в кино. Утром торжественного дня вместе отправились в магазин. И тут оказалось, что на пятнадцать рублей никак не купить того, что я хотела бы подарить маме. Подружка выбрала чайную чашку с розовыми цветочками и позолотой по краям и такое же блюдце. А я все стояла возле какой-то хрустальной вазы стоимостью в несколько сот рублей. Иринка с трудом оттащила меня от витрины, и мы попали в отдел тканей.

Тут мне понравился голубой шелк в крупных белых горошинах. Я представила себе маму в нарядном и легком платье из этого материала. И мне страшно захотелось, чтобы оно у нее было.

Иринка опять дергала меня за рукава, недовольно ворчала, наконец оттащила и от этой витрины. Привела в галантерейный отдел, ткнула пальцем в застекленный прилавок. Там среди ремней, пряжек и бритвенных приборов лежал красный кожаный кошелек для мелочи. И цена значилась: «14—50».

— Возьми, как раз денег хватит! А если маме не подойдет, тебе отдаст...

А мне так хотелось подарить маме что-то очень красивое...

— Ну, чего молчишь? — сердилась Иринка. — Четырнадцать пятьдесят, слышишь? Иди плати...

Я оттолкнула Иринку локтем, выбежала из магазина и разревелась. Так, без подарка, заплаканная, и пришла домой. Повисла у мамы на шее и сквозь слезы еле проговорила: «Поздравляю...»

Я вспомнила все это, когда посмотрела на духи, купленные Борисом. Наверное, он выбрал для Валентины так же, как тогда и я для мамы: самые хорошие, самые тонкие, самые дорогие.

До стипендии оставалось три дня, а в кассе нашей насчитывалось всего тридцать пять рублей. Никогда не занимавшаяся хозяйством Рита сказала, что мы с Зоськой эти последние деньги растратим на один обед и всем нам придется потом «сосать лапу». Сказала сердито и велела где-нибудь найти для нее закрытую хозяйственную сумку, потому что сейчас же пойдет на рынок.

Рита решила сама готовить обеды, пообещала, что будут они вкуснее и дешевле «столовских».

Я вытряхнула из конфетной коробки все наше состояние и еще раз пересчитала.

Вошла Валентина. Она была задумчивая и смущенная, улыбалась одними губами. Полистала какую-то книгу, перевесила Ритин жакет с одного стула на другой, опять полистала книгу...

— Ты будешь сегодня дома? — удивилась я. — Разве с Борисом никуда не идете?

— Почему? — настороженно спросила Валентина. — Идем. Конечно, идем...

И она стала собираться. Передела платье, переплела косы. Я забыла о строгом наказе Риты найти закрытую сумку, смотрела на Валентину и немножко завидовала. Мне тоже хотелось вот так, как она, собираться, идти...

Валентина была уже готова, но уходить не торопилась.

Подождала ко мне, помолчала и, смущаясь, спросила:

— Ты мне... не дашь из наших общих вещей? Послезавтра верну.

Не знаю, как бы поступила Рита, а я снова вытряхнула деньги из коробки и сказала:

— Бери.

Мало ли что: может, Валентина маникюр захотела сделать или завивку...

А вечером меня совершенно неожиданно пригласил в кино Гриша Таранец — тот самый комсорг с исторического. Вдруг пришел в нашу комнату, пошарил в карманах, достал билет, положил его передо мной на стол и очень просто предложил:

— Пойдем в кино, Тоня.

Я сначала подумала, что он шутит. Но Гриша смотрел на меня без малейшей насмешки, вполне серьезно.

Я взяла билет и сказала, что пойду с удовольствием.

Гриша ушел, и я увидела, что в комнате, кроме нас, была Зоська. Она вошла незаметно. Откровенно говоря, я даже обрадовалась, что она присутствовала при том, как комсорг с исторического приглашал меня в кино. И хотя Зоська все слышала, я не утерпела, похвасталась:

— Иду сегодня в кино. С Гришей...

— С Гришей и с удовольствием! — зло отозвалась Зоська. — До чего же ты дура все-таки! Парень не успел рот раскрыть, а ты: «С удовольствием!»

Зоська безнадежно махнула рукой и смирила меня презрительным взглядом.

— Уважающая себя девушка на первый раз от приглашения отказалась бы.

— Почему? — испугалась я.

— Из приличия...

— Зоська! — взмолилась я. — Да ведь он мне нравится!

— Тем более...

Нет, ее никогда ни в чем не убедишь, эту Зоську. И никому в споре она не уступит. Я это хорошо знаю и всегда умолкаю первая. И на этот раз оставила последнюю ее фразу без ответа. Хотя поругаться с Зоськой очень хотелось. Не согласна я, чтобы перед челове-

ком, к которому хорошо относишься, кривить душой!

И я стала собираться. Совсем как Валентина... Перед зеркалом причесала волосы, чуть-чуть подушила ее дорогими духами, передела туфли.

Зоська сердито наблюдала за мной, потом с шумом раскрыла шифоньер, достала свою модную спортивную курточку с тремя «молниями». Курточка эта очень мне нравится и, говорят, очень идет мне. Зоська ее страшно берегла, на лекции не носила, а когда вешала в шифоньер, прикрывала сверху куском марли.

Она положила курточку на мою кровать и сказала:

— Надевай уж... Только замки не испорти. Мне, наверное, надо было отказаться, но я не могла. Очень хотелось в этот вечер быть наряднее, выглядеть лучше, чем всегда. Я сказала Зоське спасибо и взяла курточку.

Пока сидели в кино, я все думала, куда мы после сеанса пойдем: по домам или еще по городу погуляем. И о чем Гриша будет со мной разговаривать... Изредка я незаметно, краешком глаза смотрела на его лицо, и в темноте оно казалось мне таким же мужественным, как у героя фильма. Мне очень хотелось Гришу о чем-нибудь спросить. Все равно о чем, лишь бы спросить и услышать, что он ответит. Но спросить было не о чем...

После кино мы с Гришей пошли погулять. Было еще тепло. Ярко горели уличные фонари, светились рекламы и вывески. Только что прошел дождь, и все эти многоцветные огни отражались во влажном асфальте. Осенний город выглядел праздничным. И настроение у меня было веселое, хорошее. Совсем праздничное.

Гриша рассказывал о каком-то своем товарище Викторе. Говорил, что это прекрасный человек, и обещал меня с ним обязательно познакомить. Мне было совсем не до Виктора и не хотелось ни с кем больше знакомиться. Но я слушала со вниманием и охотно признавала все достоинства Гришиного товарища.

Пережидая поток машин, мы остановились на углу.

Поставив прямо на панель плетеные корзины, женщины продавали цветы. К ним подошли прохожие, спрашивая цену, и отходили. Покупали цветы немногие.

Я нарочно отвернулась от цветочниц, чтобы Гриша не подумал... Чтобы ему не пришлось в голову купить букет. И вдруг среди чужих голосов я отчетливо услышала ровный, задумчивый голос Валентины:

— Сколько стоит?..

Я обернулась и увидела ее совсем рядом. Она была одна и стояла спиной ко мне. Цветочница рылась в корзине, доставая букет, а Валентина отсчитывала деньги. Я случайно заглянула через ее плечо и остолбенела. Валентина платила за цветы теми деньгами, что взяла у меня: две тройки, три — рублями и...

— Рубль у меня мелочью, извините, — сказала она чуть слышно и высыпала женщине на ладонь медяки, которые я собрала днем из всех наших карманов.

У меня больно сжалось сердце. Поток машин кончился. Откуда-то из толпы меня окликнул Гриша. Но мне он вдруг стал чужим и далеким. Я не хотела идти к нему. Не могла...

Женщина пересчитывала мелочь, а Валентина стояла возле нее с опущенной головой.

Я не вытерпела и обняла подругу за плечи. Она вздрогнула, обернулась. Узнала меня...

Цветочница подала букет, Валентина взяла его машинально, не глядя. Я заметила, что она закусила губу, и даже тогда, при вечернем освещении, было видно, как страшно побледнело лицо Валентины.

Мы молча перешли улицу, оказались на бульваре...

Сели на скамейку под тревожно шуршащими кленами.

Рядом весело бил подсвеченный снизу фонтан, вода его казалась то зеленой, то розовой, то сказочно-голубой. Гуляли пары. Откуда-то доносилась музыка. Город все еще выглядел праздничным...

Валентина сидела прямая, неподвижная и невидящим взглядом смотрела на причудливую игру света и водяных брызг. На коленях у нее лежал букет белых астр.

Было что-то отчаянно гордое во всей ее фигуре: в строгом повороте головы, напряжен-

ном изгибе рук... Прохожие невольно обращали на нее внимание, и, пройдя, некоторые даже оборачивались.

И вдруг словно что-то надломилось у нее внутри. Безвольно упали руки, ссутулились плечи. Валентина уткнулась головой мне в колени и горько, навзрыд заплакала.

Я гладила ее мягкие волосы, а сама с трудом сдерживала слезы. И если бы не сдержалась, было бы не удивительно. Плакала Валентина! Вот это страшно! Мы никогда еще не видели в ее глазах слез.

Она медленно выпрямилась, подняла на меня свои серые добрые глаза, до самого дна полные тоски и горя. Посмотрела грустно и пристально. Я не выдержала ее взгляда.

— Что с тобой?..

Не отвечая, Валентина открыла сумочку, вынула аккуратно сложенный листок бумаги и подала мне. Это была телеграмма.

На узких бумажных ленточках выстроились друг за другом аккуратно напечатанные сло-

ва: «Приехать не могу. Женился. Прости меня. Будь счастлива».

...Весело искрился фонтан, рассыпал розовые, зеленые, голубые брызги; играла музыка, светились рекламы... По бульвару гуляли пары. Счастливые, они смотрели друг на друга и не замечали, проходя мимо нас, что под ногами ломаются, втаптываются в грязь белые астры.

Расчет сержанта В. Николаева ведет огонь по врагу.

Герой Советского Союза Владимир Николаев (1944 год).

ПОДВИГ СЕРЖАНТА НИКОЛАЕВА

В один из январских дней 1944 года в коломенском учебном лагере Н-скому истребительно-противотанковому полку вручалось Красное знамя. В торжественном молчании застыли шеренги бойцов. Сотни взволнованных взглядов были устремлены на алое полотнище знамени.

— Берегите это знамя, — сказал артиллеристам командир бригады полковник Лизюков. — Знамя — ваша честь, ваша слава. С достоинством пронесите его через любые испытания!

— Клянемся! — торжественно произнес командир полка.

— Клянемся! — как могучее эхо, покатилося по рядам артиллеристов.

В напряженной учебе, в нелегком солдатском труде прошла зима...

А теплой весенней ночью полк погрузился в эшелон, и поезд умчал артиллеристов на север.

Через неделю истребительно-противотанковая бригада заняла позиции на одном из участков

фронта северо-западнее Ленинграда. Готовилось большое наступление. Батарея, в которой служил сержант Владимир Николаев — молодой артиллерист, бывший прокатчик с завода «Электросталь», — получила приказ установить орудия в ста метрах от вражеских укреплений.

Артиллеристы гатили болото, рыли траншеи, строили укрытия для орудий. Чтобы не выдавать себя шумом, они рубили деревья далеко в лесу и приносили тяжелые стволы к самой передовой на руках...

Стояли белые ночи, и только густой туман, поднимавшийся над болотом, надежно укрывал артиллеристов.

На рассвете 10 июня, когда на востоке заалела полоска зари, тишину нарушил одинокий выстрел. Вслед за тем по всему лесу прокатился грохот орудийных залпов... Задрожала земля. Сквозь тучи пыли и порохового дыма бойцы видели, как прямо перед ними развалилась бетонная чаша

вражеского дота, а на месте блиндажа появилась черная яма.

Огненный вал медленно переползал на вторую линию траншей, в наступление пошла пехота. Уцелевшие вражеские пушки и пулеметы встретили атакующих огнем. Но, словно из-под земли, перед гитлеровцами выросли противотанковые орудия.

Поймав в панораму пулеметное гнездо, сержант Николаев выпустил несколько снарядов. Пулемет замолчал.

В широкие проходы, пробитые в заграждениях, ринулись наши пехотинцы, пошли танки.

Поддерживая атакующих, Николаев посылал снаряд за снарядом, пока над полем боя не появился «Юнкерс». Самолет метнулся вниз, и через несколько секунд Николаеву показалось, что земля под его ногами раскололась...

Придя в сознание, Николаев попытался встать. Но ноги подкашивались: они стали слабыми, словно ватными. Николаев смотрел на искоркавший ствол орудия, на лежащих рядом товарищей. Над его головой пролетали краснозвездные истребители. Миню бежали люди.

Но все это было, точно в немом кино. Он слышал только тонкий, пронзительный звон...

«Оглух», — с тревогой подумал Николаев. Шатаясь и падая, он побежал к одному из танков и, сделав отчаянное усилие, вскопчил на машину.

— В правом углу поляны орудие! — не слыша собственного голоса, крикнул Николаев в приоткрытый люк.

Башня плавно развернулась. Танк дал несколько выстрелов по правому углу поляны.

— У одинокой сосны пулемет! — продолжал Николаев указывать цели, которые были ему хорошо известны.

И снова танк вел огонь, машина шла вперед, а на ее броне, держась рукой за скобу башни, стоял залитый кровью, оглохший артиллерист и указывал новые цели...

Горячую землю окутал ночной туман. Бой утих. Санитары перевязали раненого Николаева, а утром, отказавшись идти в госпиталь, он принял новый орудийный расчет.

Через три недели советские части вышли к заливу Рюккола-Ярви. В разгар боев командир второго орудия первой батареи сержант Николаев был принят кандидатом в члены Коммунистической партии. А через неделю в жизни молодого коммуниста произошло еще одно волнующее событие: указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и отвагу, проявленные в боях с врагом, Владимиру Романовичу Николаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Дороги войны привели противотанковую бригаду в Восточную Пруссию. В холодную январскую ночь 1945 года артиллеристы расположились на отдых в небольшом местечке Кляйн-Маулен. Догорали пожары, черные хлопья пепла падали на снег. Уцелевшие дома мрачно глядели на бойцов темными провалами окон.

В разминированном сарае, тесно прижимаясь друг к другу, лежали на покрытом соломой полу артиллеристы.

Николаев рассказывал товарищам о своем заводе, о прокатном цехе, где он работал и куда надеялся скоро вернуться...

— Конец войны не за горами...

До Берлина рукой подать. Эх, и силушу обрушим мы на гитлеровское логово... А потом по домам.

Рано утром, выполняя боевой приказ, полк вышел из Кляйн-Маулена. По белой равнине металась поземка, лица бойцов обжигал резкий, ледяной ветер. Неожиданно колонну накрыл шквальный артиллерийский огонь.

Крупные силы танков и мотопехоты противника, пытавшиеся выйти из окружения, встретили на своем пути небольшую группу советских артиллеристов и, видимо, приняли решение — внезапным ударом опрокинуть ее и прорваться на запад...

Стремясь выиграть время и дать возможность товарищам занять удобные позиции, Николаев выдвинул свое орудие вперед и ударил по головным машинам. Загорелась «пантера», неподвижно замерла, опустив ствол орудия, другая...

Но из снежной мглы выползали новые танки и самоходки. Рядом с ними, утопая в снегу, бежали автоматчики в черных шинелях.

Молча упал убитый осколком наводчик. Кусая посиневшие губы, застонал смертельно раненный правильный Котенко...

Николаев встал на место наводчика.

Два часа продолжался неравный бой. Одна за другой умолкали наши противотанковые пушки, а вражеская лавина все надвигалась...

Когда Николаев остался у орудия совсем один, к нему подбежал командир батареи Петропавловский.

— Приказано отходить!
— Всем уходить нельзя. Идите, я прикрою отход.

Проводив взглядом горстку уходящих товарищей, Николаев начал бить по врагу.

Он ловил в панораме цель, заряжал, стрелял, снова заряжал и снова стрелял, пока не кончились боеприпасы.

Николаев в последний раз зарядил орудие. Подпустив «пантеру» почти вплотную, он дернул шнур... Над вражеской машиной вскинулось оранжевое пламя... Но в ту же минуту рядом с орудием Николаева упало несколько вражеских снарядов...

...Отгремели бои Отечественной войны. Великая, святая победа нашего народа возвратила людям мирную и спокойную жизнь.

Долго не верила Полина Николаева страшной вести о гибели мужа, долго ждала, но он так и не вернулся... Десятки писем шли к ней от его однополчан, от пионеров и школьников. Писали молодые воины — они клялись служить так, чтобы не запятнать светлой памяти погибшего героя. Пришло полное тепло и отеческой заботы письмо от Михаила Ивановича Калининна.

Он писал, что наш народ никогда не забудет подвига Владимира Николаева.

В городе Электросталь, на улице Мира, и сейчас живет семья Николаева. Растут его сыновья: старший мечтает стать инженером-радиотехником, а младший хочет пойти в военно-морское училище...

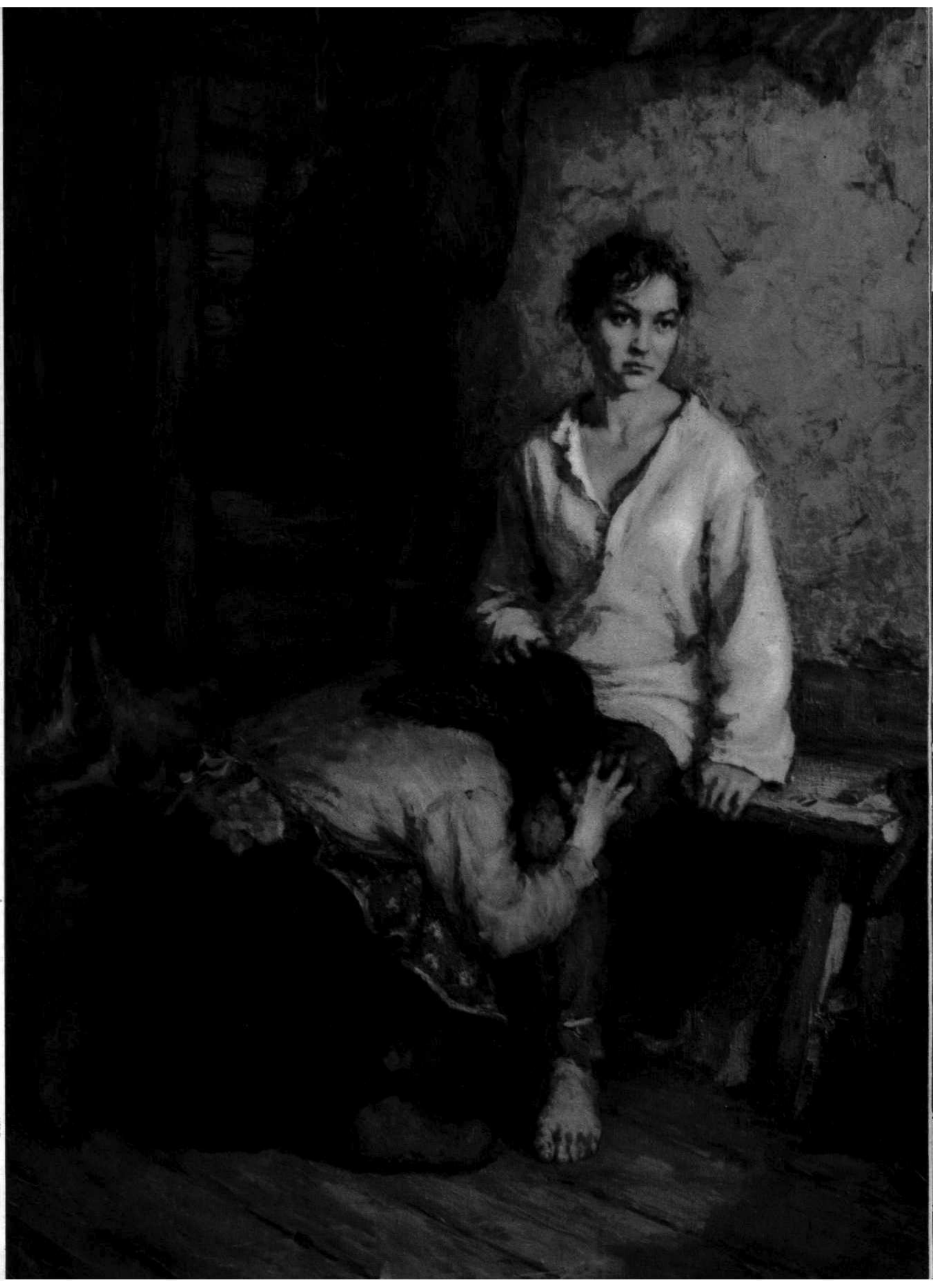
В батарею, где служил герой, каждый день на вечерней поверке называют стоящее первым в списке имя Николаева и правофланговый артиллерист твердым, взволнованным голосом произносит:

— Пал смертью храбрых в боях за Родину!

Т. СТЕПАНЧУК,
Н. ТЕРЕЩЕНКО

Выставка произведений художников РСФСР посвященная 40-летию Великой Октябрьской
социалистической революции.

И. Нестеров. г. Свердловск.
3оя.

Н. Ковтунова, г. Тула.

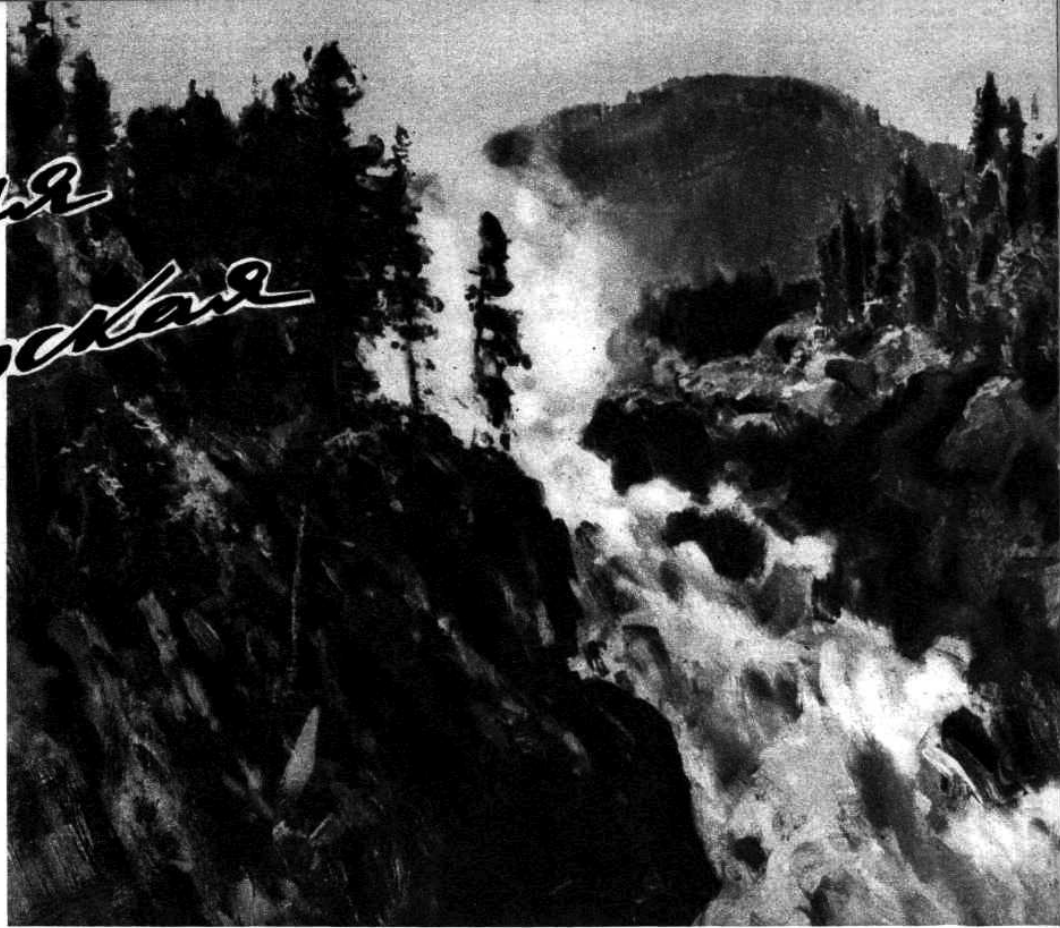
Портрет героя Великой Отечественной войны партизана Саши Чекалина.

Выставка произведений художников РСФСР посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Земля сибирская

(Окончание.)

См. «Смену» №№ 19, 20, 21).

Рождение Енисея.

С этюда Т. Ряннеля.

«ТРУДНЫЕ» ПЕЙЗАЖИ

В конце июля этого года в городе Кызыле, в гостеприимной квартире Василия Фадеевича Демина, которого полшутя-полусерьезно друзья называют «патриархом тувинских художников», вместе с Тойво Ряннелем, Рудольфом Руйги и другими сибирскими живописцами мы горячо обсуждали маршрут поездки по Туве. Каждый высказывал свое пожелание:

- На озеро Чжигатай!
- В Огневку!
- На раскопки к Кызласову!

Все предложения были заманчивыми. И, вопреки известной пословице о двух зайцах, постановили: побывать везде. Однако, прежде чем рассказать о том, как был выполнен этот план, хочется отступить в повествовании несколько назад...

Лето 1953 года застало меня в самом центре Западного Саяна. Несколько дней мы провели на горном озере Оя, неподалеку от станции Оленья речка, что на Усинском тракте, посередине пути от Минусинска до Кызыла. Здесь, на высоте около 1500 метров над уровнем моря, находится метеорологическая станция. Это «барометр» Западного Саяна. Если на Оленьей речке плохая погода (что случается довольно часто), то путь через Саян для самолетов закрыт.

Придя на станцию, мы узнали тогда от дорожного мастера, что уже недели две здесь живет молодой красноярский художник, но заставить его на месте трудно: с рюкзаком за плечами он совершает длительные прогулки в тайгу, к вершинам «ергаков» (так называют причудливые скалистые

вершины Саянских хребтов), и там пишет свои этюды.

Прошло почти три года. Однажды в Москве я увидел на почтовых открытках знакомые пейзажи. Зубчатая цепь «ергаков» в розовом свете восходящего солнца, могучие кедр, стоящие, как стражи, на берегах прозрачного горного потока... Сомнения быть не могло — это Саяны. И действительно, на обороте открыток значилось: «Оленья речка» и «Саяны. Далекий выстрел. Фрагмент картины». А выше стояла фамилия автора — художника Т. Ряннеля.

Вскоре заочное знакомство с ним продолжилось. В апреле — мае нынешнего года журнал «Вокруг света» опубликовал в двух номерах очерк Тойво Ряннеля «Там, где рождается Брат Океана» с иллюстрациями автора и Рудольфа Руйги. Этот очерк посвящен подлинно героическому походу группы молодых сибирских художников к истокам Енисея. Триста километров пешком прошли они «по тропе подвига» в дремучей тундринской тайге, семьсот проплыли на плоту и лодке через стремнины и пороги Верхнего Енисея в местах, где кругом на сотни километров нет человеческого жилья. Результатом этого славного и пока единственного в истории советского туризма похода явились сто пятьдесят этюдов художников-энтузиастов, горячо любящих свой край.

Среди туристов была и выпускница Свердловского художественного училища, молодая кызыльская художница Ксения Безнурова. Эта раслая, смелая девушка не только стойко делала вместе с мужчинами все трудности многодневного опасного пути, но и совершила

подвиг, о котором до сих пор говорят в Туве. Отличная спортсменка, она спустилась вплавь через грозный Даг-Ужарский порог протяжением около полутора километров. Второго такого случая охотники, рыбаки и плотогонцы Верхнего Енисея припомнить не могут. А на другой день Ксения написала на пороге этюд, который до этого ей не удавался. Вот при каких обстоятельствах рождаются иногда пейзажи сибирских художников...

Мне несколько не хочется умалять достоинства произведений пейзажистов среднерусской полосы, Украины или Белоруссии. Но когда на юбилейной выставке художников РСФСР смотришь талантливые графические работы Р. Руйги, воссоздающие своеобразную, дикую красоту Красноярского края, картины Т. Ряннеля, рассказывающие, как могуч и стремителен Брат Океана — Енисей, какими удивительными красками поражают озера и хребты Саян, или когда любуешься сполохами северного сияния на колоритных звенкийских гравюрах Л. Мешкова, хочется воздать должное этим художникам-сибирякам за то, что сюжеты своих работ они ищут в далеких, труднодоступных местах, которые и по сей день иногда являются настоящими «белыми пятнами».

Однако пора вернуться к основной нити рассказа. Итак, решение было единодушным — ехать подальше: и на озеро Чжигатай, и в Огневку, и на раскопки к археологу Кызласову. К большому огорчению Ксении Безнуровой, срочная работа не дала ей возможности присоединиться к нашей компании. На следующее утро в транс-

портной конторе геологоразведочной партии мы получили на несколько дней в наше полное распоряжение грузовую автомашину с шофером.

Но перед тем, как двинуться в путь, следовало, по неписаной традиции, посетить скромный обелиск, установленный в точке, являющейся географическим центром Азии. В проходной будке кызыльской электростанции (обелиск стоит во дворе ТЭЦ) вахтер выдал нам листок бумаги с несколько коимичной надписью: «Пропуск к центру Азии». Мы сфотографировались здесь на память, а затем отправились к другому примечательному месту столицы Тувинской автономной области — к месту, где у горы Вилан соединяются Бий-Хем и Каа-Хем, образуя могучий и широкий Улуг-Хем. Здесь и начинается верхний плес великой сибирской реки Енисея. Издалека видно дорожке всем нам имя, выложенное комсомольцами Кызыла на склоне горы большими белыми известняковыми плитами: «ЛЕНИН».

СЧАСТЬЕ АРАТА

Советская власть принесла тувинскому народу свободу и счастье, культурную и зажиточную жизнь, спасла его от вырождения.

Со времен завоевания Тувы маньчжурскими захватчиками в 1757 году тувинцы носили оскорбительное прозвище «уряньх» («нищий-оборванец»), а Тува, вошедшая в состав России в 1914 году, так и называлась — Урянхайский край. Поистине страшным было прошлое тувинского народа. «...Импералистические захватчики, местные феодально-теократиче-

ские порабитатели, обирая и разоряя народ, совершенно не обращали внимания на то, что в стране не была организована элементарная медицинская помощь, что социальные и эпидемические заболевания поражали все живое — вымирали целые арбаны и сумоны. Смертность значительно превышала рождаемость, все шло к тому, что небольшому тувинскому народу грозила катастрофа — полное вымирание», — писал Салчак Тока, первый тувинский писатель, ныне секретарь Тувинского обкома КПСС.

С помощью красных партизанских отрядов народ Тувы в 1921 году окончательно изгнал иностранных интервентов, белогвардейцев, монгольских и местных феодалов и объявил свой край самостоятельной Тувинской народной республикой. В октябре 1944 года она была принята в состав Союза ССР на правах автономной области. С этих пор и началось подлинное возрождение Тувы.

В недалеком прошлом Тува не имела своей письменности, в ней был только один крупный населенный пункт — город Кызыл (до революции Белоцарск), основанный в 1914 году. А теперь в Туве несколько городов, свыше пятидесяти библиотек и более ста клубов; на русском и тувинском языках издаются произведения молодых местных писателей. Пришел конец вековому кочевью аратов. Теперь живут они в рубленых домах, построенных на безвозвратные ссуды, полученные от государства. Прокопченные юрты становятся экзотической редкостью. Среди тувинских хлеборобов есть свои Герои Социалистического Труда. Не только пшеницу, но и картофель и овощи, которых раньше здесь совершенно не знали, выращивают они теперь на своей земле.

Многие тувинцы уже получили высшее образование, сотни юношей и девушек готовятся стать педагогами, врачами, агрономами, инженерами.

ИСКАТЬ — ЗНАЧИТ НАХОДИТЬ

Целый день ехали мы по степным дорогам Тувы. К вечеру у подножия отрогов Восточного Танну-Ола разбили палатку на берегу озера Чжигатай. В этом большом живописном водоеме почему-то живут только щука и язь. Но зато в таком количестве, которое может привести в трепет каждого любителя рыбной ловли. Когда стало темно, над нашим костром дымилось полное ведро свежей ухи. А на следующий день рыбу пришлось заготавливать впрок: Демин поймал на спиннинг шестьдесят щук, а шофер нашей машины, Руйга и я, составив «экипаж» другой лодки-добрелки, выудили на червя более двадцати килограммов язей. Выпотрошенную и присоленную рыбу решили повезти в подарок археологу Кызласову.

— Джургут! — по-тувински командовал весельчак Демин, что должно было означать: пошли, вперед! Снова закружилась позади нашей машины пыль. И вот мы в Тандинском районе Центральной Тувы, в маленьком лагере археологов у весело журчащей протоки быстрого Элегеста. Пока готовился ужин, начальник экспедиции Леонид Романович Кызласов успел показать нам место ближайших раскопок.

Кругом темнели большие, довольно глубокие выемы. В каждом из них виднелось нечто вроде выложенной каменными плитами дорожки. Рядом с раскопами лежали груды полукруглых светлых черепков. Некоторые из них были украшены орнаментом. Нам, не посвященным в тайны археологии людей, конечно, трудно было разобраться, что представляли собой все эти сохранившиеся остатки седой старины.

— То, что вам показалося дорожками, является верхней частью канов — широко распространенных в Китае обогриваемых каменных лежанок, под которыми проходят сложные из плит каналы-дымоходы. А черепки — это остатки черепицы китайского типа в виде желобов и узких полуцилиндров. Обратите внимание, какой замечательной крепостью она обладает.

С этими словами Леонид Романович поднял кусок черепицы и с силой ударил его о камень. Раздался звон, кусок отскочил далеко в сторону, оставшись целым и невредимым.

— С черепицы-то все и началось. Но об этом потом, — сказал Кызласов, чему-то улыбнувшись.

Он с увлечением рассказывал нам о результатах раскопок: экспедиция сделала важные для науки открытия. Даты, наименования исчезнувших древних династий и целых государств, перечисления найденных при раскопках предметов сплетались в яркую популярную лекцию о прошлом этой далекой страны, средневековая история которой была до сих пор совершенно неизвестной.

Внимательно слушали мы разъяснения археолога. Чувствовалось, что он очень любит и в совершенстве знает дело, которому посвятил всего себя без остатка.

Когда началась Отечественная война, комсомолец-хакас Леонид Кызласов, уроженец города Абакана, был студентом Московского университета. Со второго курса исторического факультета он ушел на фронт защищать Родину. В самом конце войны был тяжело ранен и вышел из госпиталя инвалидом — осколок оторвал ему кисть левой руки. Кызласов снова вернулся в университет и закончил его в 1949 году. А первая его научная статья, «Археологические заметки о некоторых древностях Хакасии», была напечатана годом раньше. С тех пор Кызласов опубликовал более двадцати работ. Два года назад ему было присвоено звание доцента кафедры археологии.

Теперь мы подошли к ответам на вопросы, которые, естественно, возникнут у многих: как был открыт древний кара-китайский город в Туве и явилось ли это случайностью?

Нет, это была не случайность. Начиная с 1946 года Кызласов каждое лето проводил в экспедициях. Пешком он исходил вдоль и поперек не только Хакасию и Туву, но и пустынный Центральный Казахстан, пытаясь изучать курганы, могильники, выщербленные временем камни с полустертыми письменами. С каждым годом прибавлялась опыта, знаний. Постепенно у молодого ученого стала расти уверенность в том, что черепица, виденная им когда-то на раскопках в Туве, по времени, качеству, форме одинакова с той, которую он встречал в древних городищах Семиречья. А раз так...

Но эту смелую догадку надо было проверить.

Следы каменных строений на правом берегу Элегеста открыты при участии Кызласова еще в 1947 году, когда он был в экспедиции студентом-практикантом. Однако тогда археологи решили, что обнаруженные ими одиночные постройки являются развалинами недавних буддийских хурз — ламских монастырей, разрушенных в годы революции и гражданской войны. В 1956 году Леонид Романович решил детально обследовать эти развалины. При раскопках были обнаружены остатки большого городского центра, весьма необычного для многотысячелетней истории кочевого населения области. Так пришел Кызласов к научному открытию, проливающему свет на многие, до сих пор бывшие неясными историко-культурные проблемы, важные не только для истории Тувы, но и для познания далекого прошлого широких пространств Центральной Азии, начиная от Северного Китая, территории Монгольской Народной Республики и Синьцзяна вплоть до Средней Азии. Когда мы приехали к Леониду Романовичу, его экспедиция уже завершала начатые в прошлом году работы.

...На следующий день художники уехали в живописное ущелье Элегеста писать этюды, а я продолжал знакомиться с материалами раскопок. Кызласов показал мне позеленевшие от времени медные китайские монеты с квадратными отверстиями в центре и четырьмя иероглифами по бокам. Таких монет найдено семь, все они однотипны и имеют одинаковую надпись: «Да Дин тун бао», то есть «расходная монета (правления) Да Дин». Эти денежные знаки выпускались в 1161—1189 годах императором Ши-цзуном из чжурчженской династии Цзинь. Они свидетельствуют о том, что карикитанцы не имели в Туве своего денежного чекана и пользовались монетами чжурчженей. Отсутствие в развалинах более ранних и более поздних монет позволило сделать вывод, что кара-китайский город на Элегесте существовал относительно короткий срок, во второй половине XII века, и был заброшен в начале XIII века, когда кара-китанцы были вытеснены из Тувы монголами, создавшими в то время свое первое государство во главе с Чингис-ханом.

Леонид Романович рассказал, что экспедицией были раскопаны жилища разных слоев населения: рядовых земледельцев, ремесленников, защитных горожан, торговцев. Несмотря на многие китайские черты, выявившиеся в архитектуре зданий города, она отмечена глубокой самобытностью и своеобразием, отражая особенности, присущие киданьскому градостроительному искусству. Особенно богатым по архитектуре и скульптурному декору оказалось большое административное здание, служившее, очевидно, приемной или канцелярией кара-китайского «вана» (князя, наместника). Оно было построено целиком из кирпича, на известковом растворе, и состояло из одного квадратного парадного зала. Черепичная крыша, выложенная широкими желобами, заканчивалась по краям полуцилиндрами, украшенными круглыми налепами со штампованными изображениями физиономии рогатого и бородатого

демона, очевидно, «хранителя домашнего очага».

В оживленной беседе принял участие весь небольшой состав экспедиции: заместитель Кызласова, недавно получивший звание кандидата исторических наук Юрий Семенович Гришин, младший научный сотрудник Института истории материальной культуры и фотоллаборант Московского университета Владимир Васильевич Сухов, и только что перешедшие на второй курс студенты исторического факультета МГУ комсомольцы Наташа Жуковская, Тамара Барцева и Вадим Егоров. Нужно ли говорить о том, как они были рады и горды тем, что первая в их жизни практика оказалась такой интересной!

Недавно мы встретились с Леонидом Романовичем в Москве. Оказывается, после нашего отъезда из Тувы экспедиция сделала новое важное открытие: недалеко от города Шагонара она обнаружила еще одно древнее кара-китайское городище. Здесь были найдены уникальные памятники древнего государства киданей — статуя Будды и огромная каменная черепаха весом около полутора тонн.

ЭТА ЗЕМЛЯ ЖДЕТ ВАС!

Через перевалы и долины добрались мы и до Огневки, которая на карте Тувы теперь значится как Хову-Аксы. До революции это было одно из самых глухих и страшных мест даже для старой Сибири. Кругом тайга, рядом вздымаются хребты Танну-Ола, на вершинах которых и летом не тает снег. Когда-то стояла здесь таежная замка некоего Огнева. Сюда стекались всякие темные люди, одиночки-золотонискатели; они мыли на горных ключах золото, промышляли зверя и жили, не подчиняясь никаким властям. Но всех их держала в кабале большая семья хищников Огневых, установившая на замке свои законы. Все «пришлые» обязаны были работать на Огнева. Покинуть хозяина, вернуться домой им уже не удавалось.

Бывало, приходил таежник к Огневу и просил расчета.

— Что ж, невольник не могу, уходи с миром, коли решил, — говорил, поглаживая бороду, Огнев.

Он сполна выдавал причитающуюся батраку долю и даже наделял его харчами на дорогу. Работник пукался в трудный, далекий путь. Но в тайге отпущенного «с миром» батрака настигала меткая пуля, а заработанные им деньги снова попадали в бездонный карман Огнева.

Да, так было... А теперь на месте страшной замки раскинулся огромный, шумный поселок, неподалеку строится новый. Уже возведены под крышу каменные двухэтажные здания. Скоро здесь войдет в строй мощный рудник.

Пришло время закончить наш рассказ о поездке по Юго-Восточной Сибири. Этот обширный и богатый край ждет молодых механизаторов и строителей, агрономов и инженеров, геологов и врачей! Здесь на каждом шагу есть место подвигам. Есть куда приложить руки, умение, волю. Тот, кто не боится трудностей, в ком бьется сердце патриота, всегда найдет на земле сибирской радужный прием и горячо полюбит этот суровый, могучий, прекрасный и неповторимый край.